

А. В. Давыдов

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ МАНИНКА В ТРУДАХ СУЛЕЙМАНА КАНТЕ. ЧАСТЬ 2

4. Предикативный показатель (*bósolan*)

Термин *bósolan* образован, по-видимому, от глагола *bóso* 'снимать шкуру' прибавлением к нему инструментального суффикса *-lan*. Буквальный перевод термина — «то, чем снимают шкуру». Смысл такого семантического переноса не вполне ясен.

Этот термин Сулеймана Канте почти точно совпадает с европейским термином «предикативный показатель». Речь идет об аналитических приглагольных показателях вида, времени и модальности. Ж. Дюестр называет их «показателями спряжения» (*les marques de conjugaison*) [1, с. 203]. Канте определяет предикативные показатели (ПП), как «слова, которые ставятся перед или после глаголов и показывают их время» [2, с. 14].

Порядок слов в глагольном предложении языка манинка таков: подлежащее — ПП — (прямое дополнение) — глагол-сказуемое — (непрямое дополнение). Как видно, предикативный показатель всегда занимает позицию после подлежащего, например:

- (13) *Mòsó` kà nɔ́nɔ dí à dé́n` mà.*
 женщина-ART PM молоко давать 3SG ребёнок-ART PP
 'Женщина дала молока своему ребенку'.

Исключение из общего правила составляет ПП *-da (-ra)*, который присоединяется к глагольным основам в качестве суффикса: *A táa-da* 'Он ушел'. Канте, впрочем, суффиксом его не считает и отделяет на письме от глагола пробелом.

Кроме того, в языках манден существуют устойчивые сочетания ПП с послелогами, причем две конструкции формально могут различаться только наличием/отсутствием послелога, ср. оптативную (14a) и имперфективную (14b) конструкции в языке манинка:

- (14a) *A yé táa.* (14b) *A yé táa lá.*
 3SG PM идти 3SG PM идти PP
 'Пусть он пойдет'. 'Он идет'.

Имперфективную конструкцию на *yé...lá* Канте рассматривает как единое целое, упуская при этом два существенных вопроса: во-первых, о статусе элемента *lá*, который мы до сих пор по традиции называли послелогом; во-вторых, о частеречной принадлежности знаменательного элемента в этой конструкции (*táa* в примере

14b), а именно — о том, является он глаголом или существительным. В своем описании языка мандинка Д. Кресель [3, с. 170–172] предлагает ряд критериев для решения сходных вопросов грамматики этого близкородственного языка. Приведем только те из них, которые применимы к материалу манинка (1, 2), переформулируем некоторые из них (3) и добавим новый (4): 1) возможность вставки между глагольной основой и послелогом фокусирующей частицы *lé*; 2) допустимость замены глагольной основы местоимением 3 л. ед. ч. *à*; 3) может ли глагольная основа присоединять тоновый артикль; 4) образует ли глагольная основа вместе с прямым дополнением единую тонально-компактную синтагму. Конструкция *уэ...la* получает по всем критериям знак «–» и должна быть, таким образом, признана глагольной. Что же касается элемента *la*, то его следует признать суффиксом, так как между ним и глаголом невозможна никакая вставка.

Д. Идиатов [4, с. 321] характеризует видовременную систему близкородственного языка бамана как аспектуально ориентированную, хотя и отмечает, что в силу семантической близости категорий времени и вида за отдельными ПП закрепляется еще темпоральное значение. Приведенную характеристику, как представляется, можно со всей справедливостью отнести и к манинка.

Для удобства приведем таблицу показателей вида, времени и модальности языка манинка. Причастия на *-len/-nen* и на *-tɔ* включены в нее, так как могут использоваться в предикативной функции (см. раздел 3). Все подписи в левом столбце — не более чем предварительные ярлыки; видовременная система языка манинка еще нуждается в дополнительном изучении.

Таблица 1. Система показателей вида, времени и модальности языка манинка

	Аффирматив	Негатив
Перфектив	<i>kà</i> (переходн.), <i>-da</i> (непереходн.)	
Перфект	<i>bá da</i> (<i>bára</i>)	<i>má</i>
Результатив	<i>-len/-nen</i>	
Имперфект	<i>уэ...la</i>	
Прогрессив	<i>-tɔ</i>	<i>té...la</i>
Футурум 1	<i>dĩ</i>	<i>té</i>
Футурум 2 (редк.)	<i>dĩnà, bènà</i>	<i>ténà</i>
Оптатив	<i>уэ</i>	
Императив	$\emptyset$	<i>kána, ká</i>

Как видно из таблицы, система показателей вида, времени и модальности языка манинка несимметрична в том смысле, что аффирмативные формы количественно преобладают над негативными. Нескольким формам аффирматива может соответствовать, таким образом, только одна негативная. Подобная асимметрия видовременных систем характерна для многих африканских языков.

Канте делит все это многообразие показателей на следующие категории:

- 1) недавно прошедшее [время] (*tàminnen kú da*): *bá da*;
- 2) давно прошедшее [время] (*tàminnen kɔ dɔ*): *kà, da*;
- 3) настоящее [время] (*bĩntá*): *уэ ... lá*;

4) близкое будущее [время] (*nàtɔ jóna*): *bé, dǐ, tɔ*;

5) далекое будущее [время] (*nàtɔ ján*): *bénà, dǐnà*.

Помимо форм, приведенных в таблице, список Канте включает формы *bé* и *bénà* (имперфектива и футурума соответственно), которые принадлежат языку бамана и в манинка встречаются чрезвычайно редко (по-видимому, под влиянием бамана). Канте подробно не обсуждает семантику видовременных показателей, ограничиваясь лишь их объединением в группы и наименованием. Причастие на *-tɔ* Канте относит к показателям будущего времени, хотя это не единственное (и не основное) его значение.

В зависимости от того, каким способом ПП присоединяются к глаголу, Канте делит их на два типа: препозитивные (*ńéta*) и постпозитивные (*kɔ́ta*). В европейской традиции последние обычно рассматриваются как суффиксы.

Как ни странно, отрицательные ПП не включены в часть речи *bósolan*. Вместо этого они считаются частицами (*kùnkúdu*), см. раздел 6. По-видимому, здесь влияние арабской или французской грамматической традиции пересиливает логику, диктуемую самим материалом языков манден: отрицательные и утвердительные приглагольные показатели в этих языках занимают одну и ту же синтаксическую позицию, а в отдельных случаях имеют сходство на субморфном уровне (ср. утвердительный и отрицательный показатели имперфектива языка бамана *bé* и *té*). В арабском же и французском языках глагольное отрицание передается при помощи частиц, присоединяемых к утвердительным формам глагола. Относя отрицательные приглагольные показатели к частицам, Канте очевидным образом калькирует арабскую или французскую грамматическую традицию.

5. Глагол (*kúmasobo*)

Канте определяет глагол как «слово, управляемое предикативным показателем, который показывает его время» [2, с. 21]. Основываясь, по-видимому, на совмещенном семантико-синтаксическом критерии, Канте выделяет три основных роли в ситуации: деятель (*kébaa*), пациенс (*kébaatɔ*) и действие *kéli*. Принимая первые две роли за основу, он выделяет четыре типа глаголов:

1. Непереходный глагол (*kúmasobo dānjedelá*). «Его действие целиком ограничено деятелем» [2, с. 21]. Примеры, приводимые Канте: *ń báda nà* ‘я пришел’, *à báda sà* ‘он умер’.

2. Переходный глагол (*kúmasobo tāmínnjé delá*). «То, что делает деятель, направлено на другого. Этот другой — пациенс» [2, с. 21]. Примеры: *ń bad'à gbási* ‘я ударил его’, *à kà álú tɔ́rɔ* ‘он потревожил их’.

3. Возвратный глагол (*kúmasobo kéńjè delá*). «То, что делает деятель, направлено на него самого. Он сам и деятель, и пациенс» [2, с. 21]. Примеры: *ń báda ń wǐli* ‘я встал’, *ǐ bá d'í mǐn* ‘ты утолил жажду’.

4. Реципрокальный глагол (*kúmasobo kéjɔ́nnɔ*). «Многие люди делают это. Они делают это вместе. Все они и деятели, и пациенсы» [2, с. 21]. Примеры: *álú kà ńɔ́n kèlè* ‘они воевали друг с другом’, *á lu yé ńɔ́n kànin* ‘любите друг друга’.

Несмотря на то что определения Канте отсылают в основном к семантике, формальные основания для выделения в манинка четырех перечисленных типов глаголов есть. Первые два типа ожидаемо отличаются друг от друга отсутствием и нали-

чием прямого дополнения. Стоит, однако, отметить, что Канте обходит вниманием проблему существования в манинка (и других языках манден) лабильных глаголов, т. е. таких, которые могут употребляться как в переходном, так и в непереходном значении, не меняя при этом своей формы.

Возвратные глаголы выделяются в манинка на том основании, что позицию прямого дополнения при них занимают местоимения особой (рефлексивной) серии. По внешней форме последние в основном совпадают с местоимениями неэмфатической серии. Что касается реципрокальных глаголов, то позицию прямого дополнения при них занимает реципрокальное местоимение *lɔɔn*.

Канте выделяет у глагола категорию *kòrokó*¹, не имеющую точного соответствия в европейской традиции. Иначе он именует ее *kúmasobo bóso ná lù*, т. е. «типы спряжения глагола»; *kòrokó*, согласно Канте, бывает двух типов: *kòroko búlebule*² и *kòroko tánbon*. Ибраима Конде, представитель традиции нко, в своей французской статье интерпретирует это как «совершенный вид» (*mode complet*) и «несовершенный вид» (*mode incomplet*) соответственно [5, с. 48], что, как будет показано далее, не совсем верно. Кроме того, у каждого из типов *kòrokó* Канте выделяет две функции (*ké'li*): *béde* 'настоящая, исходная' и *dó'sàné'n* 'прерванная'. Всего получается четыре типа: *kòroko búlebule ké'li béde*, *kòroko búlebule ké'li dó'sàné'n*, *kòroko tánbon ké'li béde*, *kòroko tánbon ké'li dó'sàné'n*. Рассмотрим их более подробно.

1. *kòroko búlebule ké'li béde*. В этот тип Канте включает утвердительные высказывания вроде *ń yé ná lá* 'я прихожу', *ń báda ná* 'я пришел', *ĩ wáda* 'ты пошел'. Как будет показано в следующем пункте, их, по мнению Канте, отличает отсутствие частицы *sá*.

2. *kòroko búlebule ké'li dó'sàné'n*. Канте комментирует этот тип так: «Деятель (*ké'baa*) *búlebule* в исходной функции успешно выполняет свое действие (*ké'li*). Если же оказывается так, что что-то встречается между деятелем и его действием и мешает ему выполнить его, то тогда перед глаголом ставится *sá* и становится понятно, что что-то встряло перед действием и помешало ему» [6, с. 22].

Он приводит, в частности, такие примеры: *sá ń báda bó* 'я чуть не вышел', *sá ń wáda* 'я чуть не ушел'. Канте отмечает, что в сочетании с показателями будущего времени частица *sá* передает значение близкого будущего: *sá ń dí wá* 'я скоро уйду'. Надо заметить, что ни в одном из доступных мне словарей манинка и прочих языков манден слова *sá* в описываемом Канте значении не содержится. Ни разу не встречалось оно мне и в текстах. Даже если подобная модель и существует, то ее следовало бы признать крайне редкой, если не маргинальной.

Что же заставило Сулеймана Канте выделить в манинка отдельную категорию *ké'li* (назовем ее «категорией успешности/неуспешности действия»)? Можно предположить следующее: зная, что во французском и арабском языках подобное значение грамматикализовано и регулярно выражается вспомогательными глаголами *faillir* и *kāda* соответственно, Канте посчитал необходимым выделить сходное явление и в манинка. Подобное влияние других языков на интерпретацию материала манинка удивляет меньше, если вспомнить, что предикативные показатели манинка Канте интерпретирует под таким же влиянием иноязычного материала (см. раздел 4). Интересно, что для выражения этого же значения в манинка есть и более продуктивная

¹ Исходное значение слова: «форма для изготовления кирпичей».

² Буквально «тучный, полный».

модель, использующая вспомогательный глагол *jĩni* (с исходным значением ‘искать’), но ее Канте по какой-то причине обходит своим вниманием.

3. *kòroko tánbon kéli béde*. В этот тип Канте включает высказывания с элементом *tĩn*. Этот показатель занимает позицию перед ПП (или перед глаголом в случае суффиксального ПП) и не входит в основную парадигму показателей вида, времени и модальности (см. табл. 1). Можно сказать, что он вводит второе измерение в преимущественно одномерную видовременную систему манинка. Проиллюстрируем это примерами, позаимствованными из «Грамматики»:

(15a) *N yé nà-lá.*
1.SG PM приходит-SUF
‘Он приходит’ [6, с. 21].

(15b) *N tĩn yé nà-lá.*
1.SG RETR PM приходит-SUF
‘Он приходил’ [6, с. 24].

(16a) *N báda nà.*
1.SG PM приходит
‘Я пришел’ [6, с. 21].

(16b) *N tĩn báda nà.*
1.SG RETR PM приходит
‘Я приходил (но уже ушел)’ [6, с. 24].

Употребление *tĩn* без ПП невозможно. В широком смысле *tĩn* можно охарактеризовать как показатель ретроспективного сдвига (об этом термине см.: [7]). В [4] у аналогичного показателя *tũn* в языке бамана выделяются следующие частные значения:

- претерит;
- плюсквамперфект;
- аннулированное (прекращенное) прошлое;
- ирреалис.

В единственном известном мне исследовании видовременной системы манинка [8] информации о показателе *tĩn* не содержится. По-видимому, это объясняется тем, что в нем рассматривается нарративный текст, в то время как в [4] отмечается, что *tũn* чаще возникает в контексте диалога. Предварительно же можно сказать, что для *tĩn* в манинка характерны те же значения, что и для баманского *tũn*, хотя функционирование показателя *tĩn* и нуждается в специальном исследовании.

4. *kòroko tánbon kéli dǝsǝnéŋ*. Различие между этим типом и *kòroko tánbon kéli béde* такое же, как и различие между типами, описанными под цифрами 1 и 2, т. е. сводится к наличию и отсутствию частицы *sá*.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что выделение Канте грамматической категории *kòroko* и двух граммем (*búlebule* и *tánbon*) в ней представляется вполне обоснованным. Категория Канте *kòroko* в европейской традиции соответствует категории ретроспективного сдвига; *búlebule* и *tánbon* соответствуют в таком случае граммемам «отсутствие ретроспективного сдвига» и «наличие ретроспективного сдвига» соответственно.

Выделение категории *kéli* (этот термин можно примерно перевести как «способ действия») и ее граммем *kéli béde* и *kéli dǝsǝnéŋ* представляется, напротив, весьма спорным потому, что само ее существование не находит подтверждения в языке.

В третьем томе «Грамматики» Канте также выделяет два типа использования глаголов: *jàmariĩ* (от *jàmári* ‘приказывать’) и *fánantili* (от *fánanti* ‘запрещать’). Это примерно соответствует понятиям «императив» и «прохибитив» в европейской традиции с той лишь оговоркой, что, как уже отмечалось, видовременная система манинка не-

симметрична и аффирмативным формам императива и оптатива соответствует лишь одна негативная форма (см. табл. 1). Рассмотрим более подробно эти понятия.

«Императив (*jāmarili*) — это принуждение человека делать какое-либо дело, которое выражено в глаголе» [6, с. 26]. Под этим термином Канте объединяет собственно императив, выражаемый нулевым показателем, и оптатив, выражаемый ПП *у́е*. Различие между этими двумя показателями сводится к следующему: собственно императив (Ø) может выражать только побуждение, относящееся ко второму лицу, ПП *у́е* употребляется со всеми лицами. К императиву Канте также относит редкий для манинка показатель *б́е*, основным значением которого является имперфектив, но который может передавать и императивные (в широком понимании этого термина) значения. В зависимости от комбинации лица, числа, валентности глагола и задействованного ПП Канте выделяет десять типов употребления императива и описывает каждый из них по отдельности.

«Прохибитив (*fānantili*) выражается так же, как императив, но *у́е* никогда не употребляется в прохибитиве» [6, с. 27]. К прохибитиву Канте относит ПП *ќа* и *ќана*. Различие между ними, по его мнению, заключается в том, что *ќа* относит побуждение к настоящему времени, а *ќана* к будущему (*lólali*). Это замечание Канте нуждается в проверке с информантами.

В завершение разговора о глаголе Сулейман Канте выделяет пять «ветвей глагола» (*kúmasobo bólon nú*). Рассмотрим их подробно.

Первая «ветвь». «Собственно глагол» (*kúmasobo jèdé*). Канте дает ему такое определение: «К нему присоединяются имена и местоимения и делают его время настоящим, прошедшим или будущим или же делают его императивом или прохибитивом. Конечный тон собственно глаголов ровный». Как видно, под этим термином Канте понимает то, что и в европейской традиции (на синтаксических и морфологических основаниях) считают глаголом.

Вторая «ветвь». «Имя действия» (*kéli tóó*). Сюда Канте включает:

1. Именные отглагольные дериваты с суффиксом *-li*. Значение: имя действия или процесса. Примеры: *táa* 'ходить' → *táa-li* 'хождение', *fāa* 'убивать' → *fāa-li* 'убийство', *nà* 'приходить' → *nà-li* 'приход', *gbāsī* 'бить' → *gbāsi-li* 'избиение' и т. д. Описания их семантики Канте не дает и не вводит специального термина для их обозначения.

2. Именные отглагольные дериваты с суффиксом *-ya*, которые Канте именует «именем обстоятельства» (*li hála tóó*). Примеры: *sà* 'умирать' → *sà-ya* 'смерть', *màló* 'стыдиться' → *màlo-ya* 'стыд', *jī i* 'злиться' → *jī i-ya* 'злоба'.

3. «Имя глагола» (*kúmasobo tóó*), т. е. синтаксические именные отглагольные дериваты: *fúdu* 'жениться, свадьба', *kànín* 'любить, любовь', *bòrī* 'бежать, бег', *sèné* 'обрабатывать землю, сельскохозяйственные работы' и т. д.

4. «Имя, образованное от составного глагола» (*kúmasobo sóronen kíli tóó*). Речь идет об одном из видов так называемых «слов-конгломератов» (термин Ж. Дюмestre, см.: [1, с. 79–92]), т. е. сложных слов, каждый компонент которых сохраняет свой тон. Слова, о которых пишет Канте, строятся по следующей схеме: глагол + местоимение 1 л. ед. ч. *ń*³ + послелог, например: *bó-ń-dó* (выходить-1SG-PP) 'похожий', *jī in-ń-ná* (злиться-1SG-PP) 'злоба' и т. д.

5. Синтаксические именные дериваты от реципрокальных глаголов: *ńón gbási* 'избиение друг друга', *ńón sá* 'взаимные подарки', *ńón kíli* 'подзывание друг дру-

³ Его в данной позиции Канте считает инфиксом.

га' и т.д. От обычных синтаксических дериватов, рассмотренных под цифрой 3, эти слова отличает наличие в их структуре прямого дополнения, выраженного реципрокальным местоимением *lɔ́ɔn*.

Как видно, под «именем действия» (*ké'li tɔ́ɔ*) Канте понимает любые случаи глагольной субстантивации, т.е. как синтаксической деривации (конверсии), так и морфологической.

Третья и четвертая «ветви» включают в себя имена деятеля (*ké'baa tɔ́ɔ*), имена пациенса (*ké'baatɔ tɔ́ɔ*), имена инструмента (*ké'lan tɔ́ɔ*). Сюда Канте относит все именные отглагольные дериваты с суффиксами *-baa* (имя деятеля), *-la* (имя деятеля), *-baatɔ* (имя пациенса) и *-lan* (имя инструмента). Все подобные слова уже рассматривались в разделе 3, где говорилось о том, что они отнесены Канте к другой части речи — «неприсоединяемому прилагательному». Приходится признать, что Канте в очередной раз допускает возможность двойной атрибуции слов к частям речи.

Наконец, пятую «ветвь» Канте называет «временем действия» (*ké'li túma*). Сюда он включает слова с суффиксами *-tɔ* (прогрессивное причастие, см. раздел 3) и *-tɔla* (редкий показатель, по-видимому, синонимичный *-tɔ*). Слова на *-tɔ* относят в европейской традиции к причастиям [9, с. 163; 1, с. 233]. Основным значением показателя *-tɔ* является прогрессив. Подобно причастиям на *-len/-nen*, причастия на *-tɔ* могут употребляться в атрибутивной и предикативной функциях (см. объяснения в разделе 3). По-видимому, отнести формы на *-tɔ* и *-tɔla* к прилагательным (подобно формам на *-len/-nen*) Канте помешала их семантика.

6. Частица (*kùnkú du*)

«Неполное слово называется частицей (*kùnkú du*). Его смысл нельзя понять, если оно не присоединяется к другому слову, или если какое-то другое слово присоединяется к нему, или же если оно не встречается между двумя словами» [6, с. 35]. Эту часть речи Канте подразделяет на два подкласса.

Подкласс «примыкающих частиц» (*kùnkudu nárata*) включает то, что в европейской традиции принято называть аффиксами. Канте выделяет три вида «примыкающих частиц»: префиксы (*né'para*), суффиксы (*kó'nara*) и интерфиксы (*té'nara*). К «префиксам» он относит морфемы *da-*, *la-*, и *ma-*, которые признаются таковыми и европейскими лингвистами, а также корень *da-* 'край' в таких глаголах, как *dá'bì lá* 'заканчивать' и *dámìné* 'начинать'. К «интерфиксам» он относит только лишь элемент *ní* (от местоимения 1 л. ед. ч. *ní*) в составе таких слов-конгломератов (*kúmasobo sóoronɛn kí'li tɔ́ɔ* в терминологии Канте, дословно «имя, образованное от составного глагола»), как *jì'íní'ná* 'злоба'. Что касается суффиксов, то за примерами Канте отсылает читателя к главе, посвященной «неприсоединяемым прилагательным» (см. раздел 3).

Подкласс «присоединяемых частиц» (*kùnkú du tùuntá*) включает слова, обычно относимые в европейской традиции к частицам (напр., *há'li* 'даже') и союзам (напр., *ní* 'если, когда', *káb'í* 'начиная с', *bá* 'потому что'), но также отрицательные эквиваленты предикативных показателей (*té*, *té'ná*, *má*), предикативные показатели императива и оптатива (*ká*, *káná*), показатель инфинитива *kà*, предикативный показатель говорения *kó*, посессивную связку *lá/ná*, показатель вероятного будущего *máa/mána* и некоторые другие слова. Очевидно, что этот подкласс составлен Канте по остаточному принципу.

Понятия Канте «примыкающая частица» (*kúnkudu nárata*) и «присоединяемая частица» (*kùnkúdu tùuntá*) соотносятся с европейскими «аффикс» и «клитика» соответственно. Хотя Канте и не проводит этого различия эксплицитно, ясно, что под «примыканием» он понимает меньшую свободу служебной морфемы относительно знаменательной, а под «присоединением» — большую.

7. Наречие (*kàlá*)

Основываясь на семантическом критерии, Канте выделяет три типа наречий:

1. Наречия времени (*wáati kàlá*, напр., *fʋlɔ* ‘раньше’, *kúnùn* ‘вчера’, *sĩsèn* ‘сейчас’).
2. Наречия места (*yórw kàlá*, напр., *yàn* ‘здесь’, *yèn* ‘там’); *yàn* ‘здесь’ и *yèn* ‘там’ с точки зрения европейской лингвистики являются не наречиями, а локативными существительными.
3. Наречия образа действия (*kéna kàlá* or *lì há’la kàlá*, напр., *kósèbé* ‘хорошо’, *kó juu* ‘слишком’, *kójima* ‘хорошо’).

8. «Вопрос» (*nĩ ninkalĩ*)

nĩ ninkalĩ — самая спорная часть речи, выделяемая Канте. Он определяет ее следующим образом: «Смысл вопроса в поиске понимания» [2, с. 28]. Канте разделяет эту часть речи на четырнадцать подклассов в зависимости от предмета вопроса. Так, он выделяет вопросы о людях (*mɔ́ tá*), вещах (*fén tá*), местах (*yórw tá*), числах (*yĩrika nĩ sɔ́nkɔ́ tá*) и т. д. Эти подклассы включают не только «европейские» вопросительные частицы (такие как *jón* ‘кто’, *mùn* ‘что’, *jèli* ‘сколько’), но и целые фразы, пусть и устойчивые: *ĩ ká kénde?* ‘как твоё здоровье?’, *hára sì dá* ‘хорошо ли ты спал?’.

9. Экспрессивное наречие (*də̀gbeleyalĩ*)

Термин Канте *də̀gbeleyalĩ* полностью соответствует европейскому термину «экспрессивное наречие». Под ним понимают особый класс слов, ведущих себя в целом как обычные наречия, но отличающихся от них следующими характеристиками [1, с. 294–295]:

- 1) мотивированная связь между планом выражения и планом содержания (т. е. идеофоничность);
- 2) особый фонемный и тонемный состав. Экспрессивные наречия часто содержат фонемы, отсутствующие в прочих словах языка (гортанная смычка, фрикативный /ʎ/), а также редкие фонемы (/c/, /p/, /z/) и произносятся со сверхвысоким тоном;
- 3) экспрессивные наречия часто редуцированы.

Канте различает два подкласса внутри части речи *də̀gbeleyalĩ*: «чистое экспрессивное наречие» (*də̀gbeleyalĩ kólikoli*, напр., *béresè* в *à fánen béresè* ‘он совершенно полон’, *ráyírayí* в *à kálaman ráyírayí* ‘он очень горячий’, *jókəkəkə* в *à súmanen jókəkəkə* ‘он очень холодный’) и «экспрессивное наречие, превратившееся в наречие образа действия» (*də̀gbeleyalĩ lì hala kálalamá*, напр., *fúse* в *à gbénen fuse* ‘он очень чистый’, *róńkin* в *à jànmán róńkin* ‘он очень высокий’, *tóetoe* в *à kùmunnéń tóetoe* ‘он очень кислый’). Удовлетворительного обоснования подобного разделения не содержится ни в первом, ни в третьем томе «Грамматики». Слова этих двух подклассов не обнаруживают каких-либо

синтаксических или морфологических различий. Скорее всего, подклассы выделены по некому семантическому признаку, который, однако, остается для меня неясен.

10. Междометие (*kánto*)

Термин *kánto*, «междометие», также совпадает с соответствующим европейским термином. Основываясь на семантическом критерии, Канте выделяет пятнадцать типов междометий, например междометия удивления (*kábakoya*), крики боли (*dímin*), апеллятивы (*kĩlili*), междометия сомнения (*sĩka*), радости (*séwa*), благословления (*dùbalĩ*), отказа (*máscsoli*), ответа (*lámidalí*) и т. д.

11. Выводы

Классификацию частей речи, разработанную Сулейманом Канте, можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 2. Части речи и критерии их выделения (по Сулейману Канте)

	Термин Сулеймана Канте	Дословный перевод термина и/или его «европейский» эквивалент	Возможные критерии
1	<i>tɔɔ</i>	имя	синтаксис, семантика
1.1	<i>fòdoba tɔɔ</i>	имя нарицательное	семантика, морфология (тоны)
1.2	<i>kèlenna tɔɔ</i>	имя собственное	семантика, морфология (тоны)
2	<i>tɔɔncɔɔbila</i>	местоимение; дословно, «то, что занимает место имени»	синтаксис
3	<i>mànkútu</i>	прилагательное	семантика
3.1	<i>mànkútu tùuntá</i>	«присоединяемое прилагательное»	синтаксис
3.1.1	<i>tùunta náranen</i>	«примыкающее присоединяемое прилагательное»	морфология (суффиксы <i>-ba</i> и <i>-nin</i>)
3.1.2	<i>tùunta gbɔ́ku</i>	«краткое присоединяемое прилагательное»	морфология (тоны)
3.1.3	<i>tùunta kúmasoboma</i>	«глагольное присоединяемое прилагательное»	морфология
3.1.4	<i>mànkútu làkálì</i>	«дискурсивное присоединяемое прилагательное»	морфология
3.1.5	<i>mànkutulanmá</i>	предикативными прилагательными; дословно «[слово], имеющее показатель прилагательного»	синтаксис
3.1.6	<i>mànkútu dàmafɔ́lá</i>	«числительные прилагательные»	семантика
3.2	<i>mànkútu tùunbáli</i>	«неприсоединяемое прилагательное»	синтаксис
3.3	<i>mànkútu tédɔ</i>	«промежуточное прилагательное», т. е. слово, которое может функционировать как имя и как прилагательное	синтаксис
4	<i>bósolan</i>	предикативный показатель	синтаксис
5	<i>kúmasobo</i>	глагол; дословно «мясо речи»	синтаксис
5.1	<i>kúmasobo dànjedelá</i>	непереходный глагол	синтаксис

5.2	<i>kúmasobo tàminnjé dela</i>	переходный глагол	синтаксис
5.3	<i>kúmasobo kéñjè dela</i>	рефлексивный глагол	синтаксис
5.4	<i>kúmasobo kéjɔɔnna</i>	реципрокальный глагол	синтаксис
6	<i>kùnkúdu</i>	частица	синтаксис, семантика
6.1	<i>kùnkudu nárata</i>	аффикс; дословно «примыкающая частица»	морфология
6.2	<i>kùnkúdu tùuntá</i>	«присоединяемая частица»	остаточный принцип
7	<i>kàlá</i>	наречие	синтаксис, семантика
7.1	<i>wáati kàlá</i>	наречие времени	семантика
7.2	<i>yóro kàlá</i>	наречие места	семантика
7.3	<i>kéna (lì hála) kàlá</i>	наречие образа действия	семантика
8	<i>ni ninkali</i>	«вопрос»	семантика (крайний случай!)
9	<i>dɔgbɛɛyalĩ</i>	экспрессивное наречие; дословно «усиление»	синтаксис, семантика
9.1	<i>dɔgbɛɛyalĩ kólikoli</i>	«настоящее экспрессивное наречие»	семантика?
9.2	<i>dɔgbɛɛyalĩ lì hala kàlalamá</i>	«экспрессивное наречие, превратившееся в наречие образа действия»	семантика?
10.	<i>kánto</i>	междометие	синтаксис, семантика
10.1	<i>kábakoya, dímin, kílilí, síka u òp.</i>	«удивление», «боль», «сомнение» и т. д.	семантика

Подходу Сулеймана Канте к обоснованию грамматики, как видно из всего сказанного, недостает системности и формальных оснований. Например, выделяя все утвердительные приглагольные видовременные показатели в отдельную часть речи *kúmasobo*, их отрицательным эквивалентам (а также показателям наклонений) он отказывает во включении в этот класс и предпочитает отнести их к частицам.

Как известно, в современной «западной» лингвистике принято достаточно строго разделять грамматическую и словарную информацию при описании языка. Все регулярные языковые явления в идеале фиксируются в грамматическом описании, все нерегулярные — в словаре. В «Грамматике нко» этот принцип часто нарушается. Например, отдельную главку в третьем томе Сулейман Канте посвящает различению детерминанта *dó* 'некоторый' и послелога с широким локативным значением *dó*. Понятно, что эти два слова нетрудно перепутать, учитывая сходство их фонетического облика и то, что они могут занимать одну и ту же позицию в линейной последовательности (после имени). Важно то, что они описываются в «Грамматике» наравне с чисто грамматическими единицами, такими как предикативные показатели, словообразовательные именные аффиксы и т. п. Обсуждая очень сходный недостаток бирманской грамматической традиции, В. Б. Касевич замечает, что подобный подход продиктован самим аналитическим строем языка и что «отсутствие парадигм, составленных синтетическими словоформами, затрудняет вскрытие системности в языковом материале» [10, с. 208]. Представляется, что эти слова можно со всей справедливостью отнести и к грамматической традиции нко.

Стоит, однако, отметить, что, несмотря на непоследовательность в применении критериев при выделении частей речи, отсутствие системного подхода, порой неаккуратное обращение с языковым материалом и другие указанные недостатки, «Грамматика нко» остается уникальным исследованием, созданным носителем языка манинка. Сулейман Канте стал первым исследователем языков манден, использовавшим данные супrasegmentного уровня языка в обосновании грамматики. Лучшим подтверждением ценности «Грамматики» служит то, что она успешно используется в традиционной системе образования нко.

Литература

1. Dumestre G. Grammaire fondamentale du bambara. Paris: Karthala, 2003.
2. Kánte S. *Nkó kángbe kùnfólo. Kónakiri*, 1996.
3. Creissels D. *Eléments de grammaire de la langue mandinka*. Grenoble: Publications de l'Université des Langues et Lettres, 1983.
4. Идиатов Д. И. Семантика видовременных показателей в языке бамана // Основы африканского языкознания. Глагол. М: Восточная литература, 2003. С. 259–324.
5. Condé Ibrahima Sory 2. Soulemana Kanté entre Linguistique et Grammaire: Le cas de la langue littéraire utilisée dans les textes en N'ko // Mande Languages and Linguistics: 2nd International Conference. Abstracts and Papers, St. Petersburg, 2008. P. 35–52.
6. Kánte S. *Nkó kángbe kùnbabá. Kánkan*, 1998.
7. Плунгян В. А. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // Язык. Африка. Фульбе / сост. В. Ф. Выдрин, А. А. Кибрик. СПб.; М., 1998. С. 106–115.
8. Hoover C. L. Tense and Aspect in Maninka Narrative Discourse. MA Thesis. The University of Texas at Arlington, 2000.
9. Выдрин В. Ф. И опять — части речи в бамана // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 145–173.
10. Касевич В. Б. Грамматическая традиция Бирмы // История лингвистических учений. Средневековый Восток. М.: Восточная литература, 1980. С. 202–209.
11. Давыдов А. В. О «Грамматике нко» Сулеймана Канте // Петербургская африканистика. Сборник памяти А. А. Жукова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 204–213.
12. Давыдов А. В. Графика, фонетика и фонология языков манден в трудах лингвистической школы нко // Африканский сборник — 2009 / отв. ред. В. Ф. Выдрин. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 289–295.
13. Части речи. Теория и типология / ред. В. М. Алпатов. М., 1990.
14. Vydrine V. Sur le «Dictionnaire Nko» // Mandenkan. 1996. Vol. 31. P. 59–75.
15. Выдрин В. Ф., Томчина С. И. Манден-русский словарь (бамана, манинка). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
16. Kánte S. *Nkó kángbe kà fa fīlanán. Bámakɔ*, 1993.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2011 г.